

Коллизии в XX века – в своем глубинном нравственном истоке, а не в своих внешних идеологических манифестациях – были обусловлены мотивом обвинения и осуждения Другого. Исток их в том, что «видят во всех свое дурное и ведут себя еще дурнее, чем были до сих пор». Так возникал тот круговорот зла, из которого рождались войны и геноциды этого века. Был забыт тот, другой путь, при котором «заграждая себе глаза на недостатки людей, побуждает становиться лучше и сам становится лучше, чем был». И христианская русская мысль сразу же зорко уловила этот исток кровавых трагедий века, этот безвыходный круг зла, из которого можно выйти вовсе не «победой» на поле боя, а только фундаментальным нравственным усилием.

«Экзистенциальный поворот» в герменевтике в своем истоке сводился к тому, чтобы понять личность как текст, создаваемый ее внутренней свободой. Хайдеггеровский Dasein был универсальным «шифром» такого текста. Русский путь состоял не в том, чтобы выстроить ряд новых категорий (здесь М. Хайдеггер шел по пути Гегеля), а в том, чтобы связать их с базовым жизненным опытом.

Этот русский проект «экзистенциальной герменевтики», альтернативный хайдеггеровскому, является очень ценным полем для дальнейшего изучения и развития. Тексты А.А. Ухтомского только сейчас становятся важным предметом исследования академической мысли. Но на самом деле они являются важной частью большого культурного явления, к которому относятся и «Дневники» М. М. Пришвина, уже ставшие знаменитыми, и наследие Я. С. Друскина, и еще ряда мыслителей XX века. В конечном счете русская экзистенциальная герменевтика будет признана важным компонентом философии XX века.

Литература

1. А.А. Ухтомский в дневниках и письмах. СПб.: Изд. СПб. ун-та, 1992. 226 с.
2. Ухтомский А.А. Запись на полях поэмы А. Блока «Возмездие» // Природа. 1975. № 9. С. 33-37.

Семиотика мига в европейской культуре

Малышев В.Б., Самара

д. филос. н., профессор кафедры философии,
Самарский государственный технический университет

Основная цель настоящего исследования – поиск перспектив совмещения семантики, синтактики и прагматики понимания мгновения в европейской культуре. На основе анализа разнообразных семиотических конструкций трансцендентальные качества изначальных модальностей понимания времени в европейской культуре.

Ключевые слова: химеры воображаемого, Хронос и Эон, миг и мгновение, Вечное Возвращение.

V.B. Malyshev, Samara

Semiotics of the moment in European culture

The main purpose of this study is to search for the prospects of combining semantics, syntactics and pragmatics of understanding the moment in European culture. On the basis of the analysis of various semiotic constructions transcendental qualities of initial modalities of understanding of time in the European culture are revealed.

Key words: chimeras of the imagination, Chronos and Aeon, an instant and a moment, Eternal Return.

Находясь перед вечностью, на грани между уходящей цивилизации Европы и в ощущении апокалиптических перемен в судьбе мировой цивилизации, что способны ощутить мы в это мгновение, мгновения перед лицом вечности? В таком состоянии мог находиться полтора века тому назад пророк Заратустра, герой знаменитого произведения Фридриха Ницше, находясь на распутье и ощутив метафизический ужас Вечного Возвращения.

В европейской культуре Нового времени особо остро проявился некий особый способ мировосприятия, основанный на постижении мига, мгновения, Augenblicke. Поняв миг семиотически, в его семантике, синтактике, человеческой прагматике, мы лучше поймем, как смысл человеческой жизни раскрывается через культуру.

Вспомним, какую цену в знаменитой трагедии И.-В.Гете доктор Фауст готов заплатить Мефистофелю за тот самый краткий миг.

Ну, по рукам! *Когда воскликну я: «Мгновение,*

Прекрасно ты, продлись, постой!» –

Тогда готовь мне цепь плененья,

Земля разверзнься подо мной!

Твою неволю разрешая,

Пусть смерти зов услышу я –

И станет стрелка часовая,

И время минет для меня.

(И.-В. Гете. «Фауст» (пер. Н. Холодковского))

В оригинале выделенная фраза звучит:

Werd' ich zum Augenblicke sagen:

Verweile doch! du bist so schön!

Немецкое Augenblick может быть переведено как *миг, мгновение, момент*; в свою очередь, *Verweilen* может означать *задерживаться, пребывать, останавливать, продлевать*. Лучше всех нас избавит от возможных разночтений указанного фрагмента «Фауста» перевод С.Т. Кольриджа:

And if at any moment I exclaim:

«Linger, still linger, beautiful illusions»

(S.T. Coleridge. Published Anonymously, 1821)

Самый простой перевод выделенной фразы из Кольриджа, «задержитесь, еще задержитесь, прекрасные иллюзии», отражает саму архитектуру и трансцендентальную эстетику человеческого существования. Миг счастья бывает краток, но и он – лишь иллюзия, химера воображаемого. Из этой иллюзии происходит падение в бездну темпоральной длительности, Хроноса.

Быть заключённым в темнице мгновенья,

Мчаться в потоке струящихся дней...

Время свергается в вечном паденье,

С временем падаю в пропасти я.

Сорваны цепи, оборваны звенья,

Смерть и Рожденье – вся нить бытия.

(М. Волошин)

Как указывает М.Хайдеггер в «Лекциях о метафизике», подлинная глубина вечного возвращения открывается в мгновении, причем дело не в моменте «сейчас», но именно в «столкновении» будущего с прошлым [8, с.116]. Казалось бы, два утверждения Хайдеггера противоречат одно другому. Сначала указывается, что «мимолетный миг» не является значимым экзистенциалом, и тут же постулируется самое важное: «в мгновении вечность становится самой собой и определяет, как именно все возвращается» [8, с.116]. Судя по всему, дело во встрече прошлого с будущим. Подобное понимание вечности, выраженное через тандем прошлое-грядущее передано в замечательном стихотворении А.Блока.

Длятся часы, мировое несущие.

Ширятся звуки, движение и свет.

Прошное страстно глядится в грядущее.

Нет настоящего. Жалкого – нет.

А. Блок. «Художник»

Стихотворение А.Блока посвящено осмыслению творческого акта. Охота за вдохновением заканчивается «убийством» мгновения. Мгновение остановлено, словно сказочное насекомое, и помещено в энтомологическую коллекцию воображения. Именно таким способом «холодная клетка» творческого разума представляет миру культуры очередной артефакт. При всем при этом в указанном стихотворении русского поэта более тонко передано отношение между модусами прошлого и будущего, это не столкновение «лбами», а встреча двух потоков, прошлое смотрит в будущее, как в зеркало. Время здесь течет из будущего в прошлое, т.е. наоборот, вспять.

Однако дело именно в мгновении, нем. Augenblicke, в котором присутствует акт творчества, акт сопротивления косности материального мира, косности ретенций прошлого. Н.Бердяев указывает, что «результаты временного творческого акта находятся во времени, но сам он вне времени» [8, с. 30]. Быть вне времени – значит попасть в измерение вечности. Здесь мы видим скорее не саму вечность, но ее всполохи, «зарницы», мерцание.

Тесен мой мир.

Он замкнулся в кольцо.

Вечность лишь изредка блещет зарницами...

М. Волошин

Вечность часто является в виде химер воображаемого, которые ведут за собой, но ведут опосредованно, с помощью знаков и символов. Карлик, ворота, паук, собака – разные образы предстают перед взором Заратустры в лунном свете.

«Куда же девался карлик? И ворота? И паук? И наши перешептывания? Было ли это во сне? Или наяву? Я увидел вдруг, что стою среди диких скал, один, облитый мертвым лунным светом..» [6, с. 194].

После исчезновения призрачных химер, Заратустра видит змею, которая заползла в глотку молодого пастуха, последний так же, как и все остальное, оказался «призраком и предвидением», а также стал самой сложной загадкой. Кто же этот символический «пастух», которому «самое тяжелое, самое черное» заползает в глотку, как змея, и которой Заратустра призывает «откусить голову»? «Просветленный», победивший змею, который смеялся – не есть ли он тот самый преображенный сверхчеловек? Тот, кто замыкает «кольцо бытия» собой, тот, кто свободен от паразитов сознания, которых символизирует змея, свободен от духа тяжести, тот, кто танцует, паря над вещами?

Итак, лабиринт вечного возвращения существует. Существуют также негативные проекции странника, путешествующего по лабиринту вечного возвращения. Они вариативны. Злой дух, демон, Минотавр, Тень странника, который идет по нему в поисках собственной сути. Однако, какую химеру увидим мы в этом лабиринте? Или здесь мы увидим самих себя, но в некоем нечеловеческом ореоле?

Но дикий ужас преступления,

Но искаженные черты, –

И это все твои видения,

И это – новый – страшный – ты?

(К. Бальмонт. «В душах есть все»)

Есть мертвое, испорченное время, время смертных, время «человеков», с одной стороны. С другой стороны, существует время живое, «глубинное» [1]. Изобретение механических часов в Европе, приписываемое Герберту Аврилакскому (930-1003 гг.), которого Воланд в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» называет «известным чернокнижником» и чьи рукописи Князю Тьме необычайно интересны, весьма символично. Это некий демонический акт, магический способ приручить «живое время» природы, превратив в регулируемое искусственно время цивилизации. Или, как было указано, «убить» время, расчленив по модели прошлое-будущее. Проблема магического «умертвления времени» и отсылка к библейскому «времени оно» в булгаковском тексте соседствует с созданием химер. Булгаковские химеры – иллюзии восприятия отдаленно напоминают ницшеанских химер из приведенного нами фрагмента. К примеру, образ кота Бегемота, который говорит: «А я действительно похож на галлюцинацию. Обратите внимание на мой профиль в лунном свете» (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»).

Известная работа Ж. Делеза «Логика смысла», в которой анализируется знаменитый сюжет Кэрролла, и на этой основе выстраивается концепция соотношения двух порядков времени – *Хроноса* и *Эона*, безусловно, является оригинальной авторской версией прочтения этих фундаментальных концептов [2]. В измерении Хроноса время можно понять как дление настоящего (Божественное Настоящее Августина, длительность А. Бергсона), время-Эон понимается как система (серия) произвольных дискретных фрагментов, соотносимых с оппозицией прошлое-будущее.

Однако, возможны иные контексты понимания двух фундаментальных измерений времени, а также при небольшом смещении акцентов, иные способы понимания указанных модусов. Делезовская прямизна эонического времени смещается к ницшеанской кривизне вечности, как это показано в «Заратустре». Модель минимакса, созданная Кузанским проливает свет на возможность трансформации одного в другое. Прямая человеческой жизни есть лишь касательная к кругу вечного возвращения. Основным нашим предположением относительно понимания перехода от мгновения к вечности является пересечение модусов времени на трансцендентальном уровне. Ключевой особенностью нашего исследования являются две вещи. Прежде всего, концепция метафизического циферблата, связанная с дискретной динамикой «мертвого времени» [4; 5]. Часы как никакая другая метафора отсылают к кантову «единству синтеза многообразного» [3, с. 164]. Пространственность циферблата унифицирует временную неоднородность в рамках одной символической поверхности. Равномерность расстояния между позициями часового деления на циферблате приводит многообразную чистую длительность к однообразному тождеству, состоящему из дискретных единиц времени.

Быть заключённым в темнице мгновенья,

Мчаться в потоке струящихся дней...

Время свергается в вечном паденье,

С временем падаю в пропасти я.

Сорваны цепи, оборваны звенья,

Смерть и Рождение – вся нить бытия.

(М. Волошин)

В стихотворении М.Волошина показан переход от эонического модуса времени («быть заключённым в темнице мгновенья») ко времени Хроноса («время свергается в вечном паденье»). Когда два модуса времени соединяются, возникает либо абсурд, либо мы оказываемся перед лицом вечности и начинаем мыслить о жизни и смерти, попадая в божественное настоящее.

Базовым предположением в настоящем исследовании является апелляция к идее перехода от времени-Эона ко времени Хроноса, а если персонифицировать – Кроноса, у римлян – Сатурна. Эон высвечивает на своем циферблате дискретные точки временных интервалов, тогда как Хронос просто «длится», затягивая в свой ночной сумрак суетливые мгновенья-светляки. По свидетельству Климентя Александрийского, Гераклит так говорит о человеке: «Человек – свет в ночи: вспыхивает утром, уснув вечером. Он вспыхивает утром, уснув вечером. Он

вспыхивает к жизни (букв. «живым»), умерев, словно как вспыхивает к бодрствованию, уснув [7, с. 216]. В этой связи русское слово «век» очень метафизично. Человеческая жизнь уместается между «берегов» взгляда, вписана в динамику открытых и закрытых век, «вежд». Если допустим такой каламбур, человеческий век – размыкание и смыкание век нечеловеческого существа, встреча будущего с прошлым на арене отведенного человеческому существу срока, века.

В момент «сна» или «мигания» (глаз мигнул) я улавливаю смысл перехода между «тем» и «этим», бытием и небытием. Миг химеричен, он есть опосредствование между «светом» и «тьмой», это акт «мерцания». Человек моргает в момент, когда происходит совмещения акта мысли и процесса созерцания, когда в пространстве открытого взора (чувственное созерцание), словно молния промелькнула мысль (мышление). Таким образом, человеческая жизнь химерична, дробясь на метафизическом циферблате согласно эоническому дискретному времени. Эта жизнь, сама являясь некой одинокой «вспышкой» в космической ночи, представляет из себя некую серию меньших «мерцаний» – чередование дней и ночей, череда «взглядов», «мигов» – так заканчивается эта череда, вряд ли дальнейшая дифференциация времени имеет смысл. И лишь дальнейшее падение в бездну времени через прекращение течения времени на земном циферблате способно вернуть непрерывность созерцанию вечности на циферблате Бога, восприятию чистого космического времени.

От темного, смутного времени Кроноса, который пожирает своих «детей» – мгновенья, времени, обращенного вспять, мы должны перейти к «зевесовым» молниеносным вспышкам времени линейного, которое символизирует циферблат механических часов. В представлении эллинов эпоха, когда на Земле царил Кронос, соответствует «времени оно», мифическому «золотому веку». Сегодня на земле «царит» век железный, век, интенсивно дробящий на своих жерновах живое время на фракции, сегменты, наночастицы.

Существует склонность к возвеличиванию «мгновенья», мига в «фаустовской» европейской культуре. В истории европейской культуры под модусом Хроноса можно понять время как «зияние» космической длительности, время, которое обращено вспять, «живое» время, а время-Эон как «оциферблаченное», дискретное, «мертвое» время, привязанное к ходу механических часов.

Во-первых, сам механизм базовых влечений бессознательного настроен на поиск несбыточного, на достижение апогея, момента максимального наслаждения.

За краткий сон, что нынче снится,
А завтра – нет,
Готов и смерти покориться
Младой поэт.
(А. Блок)

Во-вторых, фундаментальная черта человеческого мировосприятия, отсылающая к точке «конца» времен, *времени оно*, в котором и только в котором доступно совершенство. Великий герой Греции Беллерофонт, победивший Химеру, а также неодолимых амазонок и солимов, равный богам по силе, сам был по-

бежден только одним страшным врагом – собственной гордыней. О подобной экзатичности великолепно высказался Валерий Брюсов:

Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я, вождь земных царей и царь – Ассаргадон.
(В. Брюсов. «Ассаргадон»)

Для человеческого понимания времени характерно это возвеличивание мига, момента, когда человек по-настоящему счастлив. Этот миг бывает в человеческой жизни «только раз». Его нельзя воспроизвести заново. Это модель времени, которое дано «все и сразу», именно таков смысл греческого слова Эон (от др.-греч. αἰών – «век, эпоха, вечность»), измерение, обозначающее век человека, его жизненный путь. С одной стороны, циферблат человека, с его телесностью, ограниченной отведенным сроком жизни, с другой – совершенный циферблат Бога, циферблат вечности, *этернитас*. *Этернитас* (лат. *aeternitas*), – римская богиня, олицетворяющая собой вечность (ср. англ. Eternity).

В стихотворении М.Волошина показан переход от эонического модуса времени («быть заключённым в темнице мгновенья») ко времени Хроноса («время свергается в вечном паденье»). Когда два модуса времени соединяются, возникает либо абсурд, либо мы оказываемся перед лицом вечности и начинаем мыслить о жизни и смерти, представ перед лицом вечности.

От темного, смутного времени Кроноса, который пожирает свих «детей» – мгновенья, – мы должны перейти к «зевесовым» молниеносным вспышкам времени линейного, которое символизирует циферблат механических часов. В представлении эллинов эпоха, когда на Земле царил Кронос, соответствует «времени оно», мифическому «золотому веку». Сегодня на земле «царит» век железный, век, интенсивно дробящий на своих жерновах живое время на фракции, сегменты.

Таким образом, в результате нашего рассмотрения можно понять следующее. Тот метафизический сакральный миг, в континууме которого высвечивается трансцендентный свет наилучшего, благого, самого прекрасного, можно понимать трояко. Во-первых, циклически, как эффект метафизического круга, кольца вечного возвращения когда все события ориентированы по кривой вечного возвращения. Во-вторых, как на «Царствие Божие» или «Золотой век» в центре этого метафизического круга. В-третьих, как комбинацию линейного и циклического времени, «спираль» духовного восхождения. Третья версия темпоральности, существующая на трансцендентальном уровне, на феноменальном является для человека химерой, соединением несоединимого. Человек пытается замаскировать эту невозможность совмещения линейного и циклического времени. Мгновенье-миг «срывается с петель», вечность ужасает нас как космическая черная дыра, медиация между тем и другим в принципе иллюзорна. Именно в этом заключается секрет страданий фаустовского человека. Фаустовский человек, существующий по модели линейного времени, ощущая его недостаточность, путем соглашения с потусторонними силами пытается вернуть в свою жизнь «живое» время, время Хроноса. Но «остановить» Хронос можно лишь уничто-

жив его, либо фактически повернув феноменальный ряд эонических событий вспять, что для обычного человека невозможно. Ход мировых часов невозможно остановить даже на миг. Но вполне реально остановить биологические часы в человеке. Доктор Фауст пытается набросить на глубину Хроноса сетку плоскостных координат мертвого механического времени, чтобы достичь ницшеанского символического полдня, максимального напряжения всех жизненных сил. Однако на подобное способен лишь ницшеанский сверхчеловек. Гениальность проекта Ницше, в числе прочего, в том, что сверхчеловек, ощутивший поток вечного возвращения и переродившийся, способен повернуть время вспять и, танцуя, оживить его.

Однако смерть старого мига, эта серия быстротечных умираний влечет за собой и ряд рождающихся новых мгновений. Тогда текущая жизнь начинает интенсивно мерцать новыми смыслами.

Литература

1. Бердяев Н. Вечность и время // Вестник РСХД. 1935. № 3. С. 27-33.
2. Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum*. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая кн., 1998. 480 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. Симферополь: Реноме, 2003. 464 с.
4. Малышев В. Б. Метафоры современности. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2012. 240 с.
5. Малышев В. Б. Архитектоника воображаемого: фэнтези-проекции изначальных модальностей европейской культуры. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2015. 187 с.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Эксмо, 2010. 416 с.
7. Фрагменты ранних греческих философов: от эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Ч. 1. М.: Наука, 1989. 576 с.
8. Хайдеггер М. Лекции о метафизике. М.: Языки славянских культур, 2010. 160 с.

К герменевтике символа смерти

Разинов Ю.А., Самара

д. филос. н., профессор кафедры философии,
Самарский университет

В статье представлена символическая трактовка смерти. Смерть понимается как основополагающий символ, которым обустроено человеческое бытие, и который как таковой предшествует сознанию смерти. Сознание смерти модулируется в опытах приближения к ней. Для выражения этой близости вводится феномен при-смерти, который характеризуется как модификация экзистенциального понятия бытия к смерти. Рассматриваются различ-